

Г. В. ТАЛИНА

**Царь Алексей Михайлович: личность,
мыслитель, государственный деятель**

<Фрагмент>

*Мировоззрение царя Алексея
и общественная мысль России
III четверти XVII века*

Вторая половина XVII столетия в России время, когда сословно-представительная монархия, эволюционируя, приобретает черты абсолютизма. Наиболее остро в данный период встает вопрос о роли монарха в системе государственного управления. Являясь сложной структурой, государство не развивается по заранее известному пути. Поэтому при определенных условиях реальным правителем страны может стать либо сам царь, либо лицо или группа лиц, формально не имеющая на это право, но подменившая государя в силу его личной неспособности к управлению государством.

Для того, чтобы разобраться в реальной ситуации, сложившейся в России, необходимо учесть те качества, какими обладал царь Алексей как политический деятель и личность. Характеристики личности разнообразны, но все же могут быть сгруппированы по определенным признакам. К первой категории личностных характеристик возможно отнести черты, данные человеку от рождения и зависящие от генетических особенностей, которые связаны с психической деятельностью индивида. К ним относятся характер и темперамент. Изучение указанных особенностей личности царя Алексея дает возможность объяснить такие его качества, как последовательность в достижении цели, самостоятельность решений либо подверженность чужому влиянию, степень коммуникабельности и т. д. Сами же данные характеристики проявляются через конкретное поведение лица в различных ситуациях. Поэтому вся государственная деятельность царя в определенной мере отразила особенности его характера и темперамента.

Ко второй группе личностных характеристик относятся признаки, сформировавшиеся под воздействием общества и составляющие социальные качества личности: взгляды, потребности, интересы,

убеждения. Так как основой каждого решения, принимаемого тем или иным лицом, служит система его ценностей, идеалов и убеждений, то понять действия определенного человека возможно лишь изучив его мировоззрение.

Понятие «мировоззрение» широко. Оно включает в себя как принципы и взгляды отдельного лица или общества, так и жизненные позиции и программы деятельности людей. Мировоззрение личности формируется под воздействием тех ценностей, которые выработало общество на момент жизни и деятельности данного индивида. Но, вместе с тем, мировоззрение конкретного человека всегда несет черты индивидуальности, отличается личностным своеобразием. Определяет данные черты тот жизненный опыт, который приобретает человек.

В силу того, что мировоззрение формируется путем анализа в конкретной ценностной системе информации, полученной о мире, то, как сложная структура, оно включает наряду с убеждениями и такой элемент как знания.

Источники знаний различны. Немаловажную роль среди них играет образование, полученное личностью. Система придворного образования XVII столетия, тот курс, что был пройден царевичем Алексеем, более опирались на традицию, нежели на новшества, выработанные русской и европейской мыслью. Консерватизм воспитания и образования во многом повлиял на представления Алексея Михайловича об окружающей действительности. Но, так как царь имел постоянную тягу к новым знаниям, то, приобретая их, он был вынужден изменить собственное представление о ряде вещей. Так, попытки царя ознакомиться с европейскими новшествами как материальной, так и духовной сферы приводили к тому, что со временем царь из защитника старины превратился в приверженца европейского образования и таких достижений европейской культуры, как театр.

Но процесс определенного изменения ценностных ориентаций царя в сторону обмирщения и европеизации был достаточно сложен и не всегда последователен. Одна из причин этого кроется в сильном влиянии традиций, распространенных при Московском дворе.

Все существовавшие здесь обычаи и мнения об идеальном государе с детства прививались царю, носители данных идей окружали его всю жизнь (усиливаясь или отходя на второй план); но элемент традиции в мировоззрении Алексея на протяжении всей его жизни занимал важное и порой, ведущее место.

Ко времени царствования Алексея Михайловича придворная среда, церковь и общественное мнение выработали целую систему представлений об идеальном православном государе. Русский царь

обязан был быть чинен, кроток, благообразен, милосерден, богобоязлив. Следование канону должно было обеспечить государю всеобщую любовь его подданных. Данные идеи получили свое развитие в период правления Алексея Михайловича в трудах придворного мыслителя Симеона Полоцкого. Важнейшие черты государя Полоцкий обозначил в посвящении к своей книге «Жезл правления». Книга начиналась обращением: «благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу»*. По мнению Полоцкого, Алексей отвечал всем требованиям, предъявляемым обществом к государю. Его оппонент — протопоп Аввакум так не считал, высказывая свою точку зрения на то, каким должен быть православный царь, глава раскола фактически выражал традиционное мнение, писав: «любы не превозносится, не бесчинствует, любы не завидится, не раздражается, не ищет своя си, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся любит»**. Окружающая Алексея действительность, состоявшая из традиций и ряда новшеств, влияла на миропонимание и жизненные позиции царя. И среда, в которой жил и действовал царь, и его ценностные ориентации не оставались неизменными. Несмотря на это, среди взглядов и убеждений государя можно выделить ряд социальных, этических, эстетических и иных представлений, обладавших относительным постоянством.

Царь Алексей Михайлович — государь эпохи средневековья — выбрал в себя и выразил традиционные концепции своего времени о происхождении мира, роли в нем человека, сущности государя и ряда других явлений и предметов. Но его склонность к анализу, умение подвести всякий частный случай под общий порядок, общее понятие и дать оценку ему, убеждают в том, что мировоззрение царя представляет собой не ряд заимствованных суждений, а присущий государю взгляд на мир. И если Алексей соглашался с современниками по ряду вопросов, то это было вполне осознанное разделение их позиций, а не бездумное повторение чужих мнений.

Основная тема размышлений царя — Бог и вера. Алексей Михайлович никогда не сомневался в том, что творцом мира является Бог, и в этом мире ничто «без его воли святых, ничто же доброе не содевается и не утверждается и злое без ево же святова поущения не содеваетца же»***.

* Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 73.

** Там же. С. 70.

*** Записки отделения русской и славянской археологии Санкт-Петербургского Археологического общества (ЗОРСА). Т. II. СПб., 1869. С. 747.

Черты провиденциализма свойственны не только царским рассуждениям общего характера, но и данному им анализу конкретных фактов. Рассматривая несчастный случай, приключившийся с боярином¹ В. Б. Шереметевым, чудом не завершившийся смертельным исходом, царь видел причину избавления боярина в любви к нему Бога. Алексей Михайлович писал: «Да помысли себе сам, како тебя творец и владыка и царь и Бог любит, не можно ли тебя тогда и главою образити о камень, ... или рану сотворити смертную, когда лошади тебя в карете помчали»*. А так как на все воля божия, то прежде чем приступать к любому делу, следует попросить Бога о его успешном исходе: «достойно внутрь себя прийти и сокрушити сердце свое перед Богом... а не на высокоумие свое полагаться», т. к. «покаянию и молитве, милости, страннлюбвию не может никакой неприятель сопротив стати»**.

Считая, что события истории и жизни каждого конкретного человека предопределены волей Бога, Алексей Михайлович тем не менее не являлся сторонником тех концепций теологического фатализма, которые утверждают абсолютность предопределения. Царь оставался строго в рамках православия и в своих воззрениях пытался совместить всемогущество провидения со свободной волей человека. Для царя действия, совершаемые человеком, могли быть угодными Богу или же нет. И благодаря тому или иному образу жизни человек мог заслужить как прощение и помилование Бога, так и наказание за грехи, спасти или погубить свою душу. Именно спасение души, по мнению С. Ф. Платонова, было главным духовным интересом царя***. Одно из средств к этому Алексей видел в строгом соблюдении православной обрядности, но данное средство царь никогда не считал единственным и тем более основным. Первенствующее положение оставалось за искренней, чистосердечной верой. Царь рассуждал так: «и будет веруешь единодушно и единосердечно, ... а не двоедушием и двоим сердцем (Бог) и к тебе будет такого же милостив и в бедах заступителен и в победах одоление везде подаст»****.

Царь искал спасения души не только в искренней вере, но и в нравственном образе жизни. В целом, этические мотивы занимали важное место в мировоззрении Алексея Михайловича. Царь много и охотно размышлял на темы добродетелей и порока, среди которых можно выделить этические категории и характеристики,

* ЗОРСА. Т. II. С. 752.

** ЗОРСА. Т. II. С. 745.

*** Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 18.

**** ЗОРСА. Т. II. С. 747–748.

присущие человеку вообще и отвечающие установкам христианской православной морали и нравственные качества подданных царя, связанные с идеей «служения государю». Среди общечеловеческих добродетелей важнейшую Алексей видел в том, чтобы, внимая божественным заповедям, следовать им. В одной из своих грамот царь призывал: «Братие мои, молю, токмо имейте повиновение и послушание ко отцу, наставнику и пастырю вашему душевному... добро есть Бога ради послушание творите его с любовью» *.

Главный же порок заключался в пренебрежении божьих заповедей. По мнению царя, «творя заповеди божия с пренебрежением проклят» **.

Характерной чертой документов и текстов, оставленных царем, является преобладание рассуждений общего характера на данную тему. Иногда встречаются высказывания, пронизанные идеей «не прелюбодействуй», «не укради», не «произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». На первый взгляд кажется странным, что почти нигде царь не рассуждал о конкретном следовании в обыденной жизни, пожалуй, важнейшей из Библейских заповедей — «не убий». Возможно, что объяснение этому кроется в особенности времени, когда правил Алексей Михайлович, и положении, которое он занимал в стране. 70-е годы XVII в. изобиловали восстаниями, бунтами, подавлять которые русское правительство было вынуждено, чтобы сохранить незаблемыми устои тогдашнего государственного строя и порядок в стране. При феодальной монархии окончательное решение о кровавой расправе с недовольными принимал царь, ответственность за совершенные убийства ложилась на него. В силу этого государь не мог наставлять подданных в соблюдении заповеди, которой он был не способен следовать сам. Поэтому данный вопрос при изложении своей нравственной позиции Алексей обходил стороной. Несмотря на это, в целом этическая концепция царя базировалась на канонах христианской этики, и ряд других библейских заповедей нашли свое отражение в рассуждениях Алексея. Среди них и — не укради. Так, в письме к Никону по поводу кончины патриарха Иосифа, царь рассказывал о том, как распорядился имуществом умершего и смог противостоять искушению, ничего не взяв себе: «немного и я не покусился иным судам, да милостию Божею воздержался... ни маленькому ничему не точен (т. е. ничему не касался «точен» от «тыку», «тыкать») да не хочу, да и какой я буду прикащик, самому мне имать». В ряду человеческих черт, противоречащих нормам

* ЗОРСА. Т. II. С. 696.

** ЗОРСА. Т. II. С. 687.

христианской морали, одно из первых мест царь отдавал гордости. Ее он считал качеством, которое может иметь значение только в этой жизни и только в глазах смертных. Перед Богом же «здесьняя честь» не дорога. Кроме этого, гордость, по мнению царя, порождение дьявола. В грамоте к казначею Савво-Сторожевского монастыря Никите Алексей Михайлович писал: «да и то себе ведай, сатанин ангел, что одному тебе и отцу твоему дьяволу годна и дорога твоя здесьняя честь, а создателю нашему... грубны твои высокопроклятые и гордостные ... твои тайные дела»*. Исходя из подобного отношения к гордости, при подборе людей для любого дела, заинтересовавшего царя, Алексей Михайлович настаивал на том, чтобы «сыскивать ... самых добрых, мирных и негордых людей»**.

Рассуждая далее на тему гордости как греха, царь приходил к выводу о том, что отступление от Бога не может быть несущественным или незначительным, самый малый порок — грех и дорога в ад, к сатане, т. к. «не может раб двум господином работати, либо единого возлюбит о другом же нерадети начнет... горе тому человеку, который двумя стези шествует». Служение двум господам, Богу и дьяволу, по мнению царя, составляло сущность еще одного страшного человеческого порока — лицемерия («двоедушия»). Особенно этот порок раздражал царя, проявляясь в действиях и мыслях московских бояр. Алексей даже называл его «злехитренным обычаем московским». Черта эта, по мнению царя, выражалась в том, что «овогда злым отчаяньем и погибелью прорицают, овогда тихостью и бледностью лица своего отходят лукавым сердцем»***. Столь же тяжким пороком, как и лицемерие, для царя была ложь. Он признавал, что свойственна она всем людям, независимо от их положения, но считал особенно неприемлемой данную черту для людей думных и высокородных. По поводу ложного и несвоевременного донесения в центр Лобанова-Ростовского Алексей Михайлович писал: «так делают недоумки и худые люди, а думным нашим великого государя людям ложно писать не довелось»****.

Еще один общественный порок — пьянство. С ним всячески пытался бороться царь, встречая его у своих приближенных.

Особенно тяжким этот грех становился для царя тогда, когда приводил к неисполнению своих обязанностей. В этом случае грех перед Богом уже сочетался с проступком перед государем. Человека, совершившего подобное, царь считал хриstopродавцем и сравнивал

* ЗОРСА. Т. II. С. 687.

** ЗОРСА. Т. II. С. 377.

*** ЗОРСА. Т. II. С. 716.

**** ЗОРСА. Т. II. С. 743.

с библейским Иудео: «Уподобился ты сребролюбцу Иуде, яко же он продал Христа за тридесять серебряников, ты променил, проклятый враг, чудотворцев дом да и мои грешные слова на свое умное и збойливое пьянство и на умные, на глубокие, пронырливые вражьи мысли»*.

В рамках христианской этики рассматривал царь и отношение «сильных мира сего» к людям, занимающим низшее положение в социальной иерархии. В связи с этим Алексей Михайлович считал нравственным такое отношение «властей» к нищим, которое бы основывалось на идее «милования» и «заступления». Так в грамоте князю Г. Г. Ромодановскому Алексей Михайлович писал: «Князи и власти, милование и заступление и правду покажите на нищих людях... понеже суд велий бывает на великих, менший убо прощен будет и достоин милованию есть»**. В целом же при дворе Алексея Михайловича большое внимание уделяли таким проявлениям заботы православного государя о подданных, как раздача милостыни по различным праздникам (духовным и семейным царской фамилии), «страннолюбию» — т. е. заботе о странниках, часто селившихся и в царских дворцах, посещению царем и придворными монастырей. Данная традиция была унаследована двором Алексея Михайловича от предыдущих царствований и полностью согласовалась с представлениями общества XVII века об идеальном государе, который ухаживая за больными или прислуживая за столом монахам, видимым «унижением» возвышал себя. Заслуга же Алексея Михайловича в том, что царь, не любивший формального исполнения ни одной церемонии или обряда, вкладывал всю душу в подобные мероприятия и проявлял искренний интерес и заботу о людях, с которыми ему приходилось при этом сталкиваться.

Павел Алеппский писал о посещении царем, лежавшего во внутренних покоях Савво-Сторожевского монастыря человека, раздавленного санями и 8 лет остававшегося без движения. Несмотря на то, что царя сопровождали иностранцы, перед которыми русский двор всегда старался блеснуть красотой и благообразием всех церемоний и царских выходов, Алексей нарушил традицию, и, повинувшись порыву души, ругал инвалида за богопротивные мысли, старался вразумить, а после утешить***.

Царь, обладая четко выстроенной системой моральных ценностей, основанных на этике христианства, и, имея склонность к анализу

* ЗОРСА. Т. II. С. 686.

** ЗОРСА. Т. II. С. 773.

*** Аболенский И. Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне. Киев, 1876. С. 78.

как чужих, так и своих поступков, не раз задумывался о своих грехах и пороках. Царь не был склонен к самоуничтожению и довольно болезненно переживал оскорбления, нанесенные ему. Но считая гордыню страшнейшим пороком, в своих размышлениях, а особенно в своих письмах на данную тему, он предпочитал более говорить о своих грехах и каяться в них, чем кичиться своими добродетелями. Возможно, одна из причин этого крылась в том положении, которое занимал Алексей в стране. Государь в каждой своей высказанной вслух или записанной фразе всегда должен был оставаться идеалом, образцом для своих подданных. Система же ценностей русского общества XVII века главной заслугой истинного христианина считала раскаяние. Поэтому в грамотах Алексея Михайловича можно встретить следующую самооценку: «Яз, грешной, по Божею изволению и по вашему почитанию как есть царь, а по своим злым делам аки пес недостойный Владыки своего создавшего... зело грешен и беспрестани во грехах тщетных пребываю»*.

Царь задумывался не только о своей нравственности, но и о пороках и добродетелях людей, его окружавших. Русское средневековое общество выработало ряд критериев для подобных суждений. При жизни того или иного лица основой для суждений были его поступки. О жизни умершего человека обычно судили на основе «канона преставления»², анализируя факт принятия им кончины. Так как смерть рассматривалась как переходная ступень к новой, вечной жизни, то особое внимание принято было обращать на достоинство земного конца. Достойная или истинно-христианская кончина говорила о том, что душа человека отошла к Богу, а, значит, он заслужил прощение нравственной, доброй земной жизнью. На истинную кончину должны были указывать такие признаки, как осмысленное причащение, легкость самого преставления, просветление лица после смерти. Для лиц духовного звания, кроме названных канонических признаков, существовали и другие: знание о приближавшемся конце, нетление тела после смерти. Если они сопровождали смерть светского человека, то о нем судили как о праведнике.

Отступление же от данных правил трактовалось как свидетельство греховной жизни усопшего**.

В общественном сознании «канон преставления» играл важную роль как в период правления Алексея Михайловича, так и после его смерти. Даже сама кончина царя была проанализирована одним из его

* ЗОРСА. Т. II. С. 696.

** Кротов М. Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. С. 158–161.

современников протопопом Аввакумом. Протопоп считал Алексея Михайловича «мучителем», наказанным небесными силами за подавление Соловецкого восстания. В силу этого Аввакум всячески старался показать недостойность царской смерти, при которой царь безнадежно «воплет» к Богу о прощении, но умирает в страшных муках, «а изо рта, из носа и из ушей неждид течет, бытто из зарезанные коровы»*.

Сам Алексей Михайлович также судил о добродетелях и пороках умерших на основе «канона преставления». Показательны в этом отношении два письма, написанные государем. Одно адресовано Никону, тогда еще митрополиту Новгородскому, и посвящено преставлению патриарха Иосифа (ныне в исторической литературе данное письмо часто называют «Повестью о преставлении патриарха Иосифа»). Другое — адресовано царем боярину Н. И. Одоевскому по поводу кончины его сына Михаила. Князь Михаил принял истинно христианскую кончину и именно этим царь пытался утешить Никиту Ивановича. Алексей Михайлович писал боярину, что «твоего сына Бог взял, а не враг наш полатою подавил», что не стоит оплакивать и помогать тому, кому «сам Бог помощник и уготовил венец», что «Бог изволил взять его милуючи, не дал ему больших грехов дожить». Как доказательство того, что душа Михаила отошла Богу, царь использовал подробное описание последних часов князя, заостряя внимание на том, что причастие умирающий «принял памятно и в разуме..., а после причастия не было ни рыдания, ни терзания»**. Кончина же патриарха Иосифа чинной и христианской не была. А т. к. средневековью в отличие от других цивилизаций не присуще правило говорить «о мертвых либо ничего, либо хорошо», то Алексей Михайлович описывал реальную кончину патриарха. При этом царь использовал канон преставления и отмечал, что патриарх о приближавшейся кончине не знал, чаял, что «иде покинет» его болезнь, что после смерти лицо «отца духовного» стало «розно пухнуть», да в ту же пору как есть треснуло. Царь, пытаясь объяснить факт безобразной кончины патриарха, писал: «Не упомяну, где я читал: перед разлучением души от тела видит человек все своя добрые и злые дела. А, видя это, Иосиф почил руками закрываться и жаться к стене и в угол... походило добро на то, как кто бьет, а кого бьют, так тот закрывается... да затрясся весь и в ту пору плакать начал и кричать»***. Таким образом, царь, фактически основываясь

* Аввакум. Указ. соч. С. 255.

** ЗОРСА. Т. II. С. 702–705; Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 27. Ед. хр. 108.

*** Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 165–166.

на факте кончины патриарха, обвинил Иосифа в несправедливой жизни. Но сделав это, царь в своих рассуждениях об Иосифе пошел дальше. В ряде рассуждений и высказываний царя о патриархе виден явный сарказм и насмешка. Так, вспоминая о том, где патриарх велел его похоронить, Алексей писал: «и место выпросил». Царь вспомнил и о том, что лицо духовного звания должно пророчествовать о своей кончине, а Иосиф этого не сделал, так как надеялся выздороветь. Но Алексей Михайлович не просто констатировал факт неведения патриарха о смерти, он в одной части письма изложил то, что должно быть при христианской кончине, а во второй, что происходило на самом деле. В итоге оба суждения абсолютно противоречили друг другу, но показ идеала преставления еще более оттенил убогость патриаршего конца. Царь писал о патриархе: «Только дня не ведал, в который день Бог изволил взять, и мне грешному его святительские слова в великое подивление, как есть он государь, пророчествовал про смерть ту свою». Кроме этого, царь явно не испытывал того благоговения перед телом патриарха, что питал к мощам предшественников Иосифа на патриаршем престоле. Царя более заботила проблема, как показать умершего святителя пастве. При этом царь относился к телу духовного наставника как к вещи, которой нужно придать любыми средствами подобающий вид. Такое средство царь нашел и о нем писал к Никону: «Велел тайно... провертеть в ногах (отверстие) и шел нежидь всю ночь»*. Причины нелюбви царя к патриарху видны из того же письма. Среди них и скупость последнего, и упорно распространяемые патриархом слухи о том, что царь и правительство московское «переменить» его хотят. Главной же причиной отрицательного отношения Алексея Михайловича к Иосифу было постоянное противодействие патриарха попыткам светской власти вмешиваться в дела церкви. В данном письме царь высказал свое искреннее мнение о патриархе и его преставлении. Но тем самым он вырвался из рамок образа «идеального государя», чьей неотъемлемой чертой было смирение перед церковью и почитание служителей церкви**.

Господство христианской морали в русском обществе в целом и придворной среде в частности приводило к тому, что понятия «добродетельный человек» и «истинный христианин» были сопряжены с аскетическим образом жизни. Данные нормы закреплены «Домостроем» и всячески поддерживались и развивались Русской

* Там же. С. 171.

** Пушкирев Л. Н. Государство и власть в общественно-политической мысли конца XVII в. // Общество и государство феодальной России. М. 1975. С. 191.

Православной Церковью. Но подобная тенденция возникла задолго до «Домостроя», который фактически явился лишь слепком со старейших поучений, принесенных еще из Византии и возникших в период борьбы византийского христианства с язычеством. Именно тогда образ жизни и быта, связанный с мирскими утехами, был приравнен к языческому культу и объявлен противным христианству. Перенесенные на русскую почву подобные суждения были доведены здесь до абсурда. Аморальными стали считаться интерес ко всякой музыке, кроме духовной, к сатире и комедии. Народная русская культура, немислимая без данных компонентов, как таковая была отрицаема церковью. Аскетический образ жизни всячески насаждался и при царском дворе, особенно в период правления Михаила Федоровича и первые десятилетия царствования Алексея Михайловича.

Между тем постепенное сближение России и Западной Европы привело к тому, что влияния западно-европейской культуры и образа жизни стали сказываться и при Московском дворе. В 70-е годы XVII века во многом благодаря самому царю Алексею Михайловичу русская придворная среда попыталась изменить свой быт и развлечения. В 1672 г. появился первый придворный театр. Это стало возможным благодаря усилению царской власти в период правления Алексея Михайловича. Но подобное развлечение, считавшееся «бесовским», никогда бы не смогло утвердиться, если бы не произошли определенные изменения в системе духовных ценностей царя и его окружения. Царский двор в целом должен был изменить свое отношение к явлениям, связываемым с языческим культом, а следовательно, должны были произойти определенные изменения мировоззрения придворной среды.

Сам Алексей Михайлович сравнительно долгое время испытывал колебания по вопросу о необходимости дальнейшего развития театра, и, в частности, музыкальных спектаклей. В итоге вопрос все же был решен положительно, и был поставлен «балет» «Орфей».

Пойти на определенное ослабление требований, предъявляемых церковью к поведению светских людей, позволил присущий Алексею Михайловичу взвешенный подход к данной проблеме. Известно, что еще в 1652 году в одном из писем к Никону, тогда митрополиту Новгородскому, царь давал понять свое отрицательное отношение к действиям митрополита, который насильно заставлял говеть людей, сопровождавших его в поездке в Соловецкий монастырь. Царь высказывался против монашеского содержания людей светских и писал, что «никого де силою не заставишь Богу веровать»*.

* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 183.

Таким образом, процесс обмирщения придворного быта и культуры был сопряжен с частичным освобождением морали русского высшего общества и царя из жестких рамок христианской этики. Процессы изменения сознания придворной среды и изменения придворного быта шли параллельно, опосредуя друг друга.

В целом этика занимала главенствующее положение в мировоззрении царя, так как именно с позиции таких категорий, как «добро» и «зло», он оценивал происхождение событий и явлений, его окружавших, в первую очередь.

Второе место по значимости среди философских представлений государя занимали эстетические. Алексею Михайловичу было свойственно, задумываясь над окружавшими его явлениями, оценивать их и с позиции красоты.

Наиболее четко эстетические представления царя выразились в «Новом уложении и устройении чина сокольничья пути», одним из авторов которого был сам Алексей Михайлович.

Авторы «Уложения» связали понятие красоты прежде всего с понятиями «порядка», «стройности», «последовательности» явлений или «урядства» и «стройства», провозгласив, что «урядство же уставляет и объявляет красоту... стройство же предполагает дело... без стройства же теряет дело и возставляет безделье»*. Требование «урядства» стало основным требованием, которое предъявлялось к различным придворным церемониям. Они только тогда считались достойными Московского двора, когда были совершены в строгом порядке, а следовательно, были красивы.

С точки зрения порядка, стройности определенных действий рассматривалась царем и охота, в особенности соколиная. Алексей Михайлович неоднократно в письмах к московскому стольнику и ловчему Матюшкину, заведовавшему долгое время царской охотой, указывал на необходимость соблюдения порядка ловли с хищными птицами. Достижение строгой последовательности охоты конечной целью имело получение эстетического наслаждения от нее. Гораздо большее значение, чем число убитых птиц, имели такие факторы, как сама церемония охоты, красота полета соколов, высота их ставок, которые достигались путем длительного обучения птиц, выработки на основе условных рефлексов четкой последовательности в их действиях.

Само понятие красоты («урядства») и порядка предполагало выделение авторами «Уложения» конкретных элементов в каждом

* Новое уложение и устройство чина сокольничья пути. // Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 90.

явлении. Эти элементы, располагаясь в определенной последовательности друг к другу, составляли бы данный порядок. В мировоззрении царя и его окружения представления об элементах какого-либо явления выразились в таких понятиях, как «час» и «часть», использовались авторами «Уложения» нередко вместе.

Рассуждения о части базировались на таком понятии, как «мера» и исходили из него. Именно мера определяла размер и значимость частей. На практике с «мерой» связывали и определяли время, отводимое тому или иному ритуалу. Говоря о мере вещей и явлений, авторы «Уложения» прибегали к помощи пословиц: «Делу время, потехе час», «время наряду а час красоте» и др.

Из высказываний авторов «Уложения» возможно выстроить логическую цепочку, состоящую из последовательных суждений, в целом оставляющих понятие красота: каждая вещь (явление) делится на части, для каждой вещи важна мера и соразмеренность ее частей, соизмерение частей приводит к выделению главных и второстепенных, в зависимости от этого части выстраиваются в определенном порядке, порядок этот и есть — красота вещи.

В представлении Алексея Михайловича и московского высшего общества второй половины XVII века такие категории, как «урядство» или «красота», были непосредственно сопряжены с понятиями «чин» и «образец».

Любая церемония и любое дело могли стать красивыми только тогда, когда существовала возможность сверить их с определенным идеалом, выстроить по заранее разработанному и написанному образцу. Авторы «Уложения» задавались вопросом: «Что всякой вещи потреба?» — и в ряду прочего отвечали: «Сличив», «чин и образец»*. Считалось, что «без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепитя»**. Характерно, что авторы употребляли словообразования от корня «чин» в близких по смыслу, но не тождественных значениях. Если проанализировать фразу, «хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна... — всякий прославит и удивится», то видно, что в первом случае «чин» употреблен в значении «заранее предписанного порядка действий», совершаясь по которому (чину, порядку) то или иное явление (вещь) будет обладать определенными качествами; во втором случае употреблено словообразование от корня «чин» — «благочинна», то есть «красива», «стройна» и т. д. Но преимущественно понятие «чин» все же имело значение, близкое к значению «образец».

* Там же. С. 89–90.

** Там же. С. 90.

Исполнению почти каждой придворной церемонии предшествовало составление своеобразного сценария данного действия, который называли «чином». Хорошо известны «Чин поставления на царство»*, «Чин объявления наследника»** , непосредственно сам «Чин сокольничья пути» и др.

Таким образом, в представлении Алексея Михайловича и его окружения сформировалось четкое определение красоты, базировавшееся на понятиях «ряд, строй, мера, чин, образец», и составлявшее основу эстетических представлений XVII-го века. Данные представления не только выражались в отвлеченных суждениях, но и служили оценкой окружающей действительности.

Наряду с этическими и эстетическими представлениями ведущее положение в мировоззрении царя Алексея занимали социальные и политические вопросы и, в частности, рассуждения о сущности и происхождении царской власти. На формирование взглядов царя по данному вопросу не могли не повлиять идеологические концепции феодальной монархии. Формировалось представление о царской власти, базирующееся на двух положениях: 1) Царская власть имеет божественное происхождение; 2) Царская власть характеризуется преемственной передачей в роде российских скипетродержавцев***.

Данная концепция пошатнулась с прекращением династии Рюриковичей, но, взойдя на престол, Романовы попытались восстановить прежние представления о богоизбранном государе, получающем власть от своих прародителей.

Два этих постулата были восприняты Алексеем и развиты в его письмах и речах. Царь был убежден в том, что он поставлен от Бога, «чтобы беспомощным помогать», что Бог благословил его «правити и рассуждати люди своя на востоке и на западе, и на юге, на севере вправду»****. Таким образом, царь — сила, которая осуществляет божественную волю на земле. Алексей Михайлович рассматривал Бога и как источник силы царской власти: «мы не своею силою или многооружным воинством укрепляемся, но божию помощь»***** — писал царь. Поэтому все государственные дела Алексей Михайлович считал и делами божьими и часто их отождествлял. Так, ругая князя

* Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича. Спб., 1882.

** Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Ч. IV. М., 1828. С. 316–321.

*** Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 345.

**** ЗОРСА. Т. II. С. 706, 774.

***** Два послания царя Алексея Михайловича. М., 1902. С. 10.

Ромодановского за неисполнение государева приказа, царь писал: «И сам ты... наш верный изменник и самого истинного сатаны сын... Перед кем лукавствуешь? Самово Христа ведаешь ли бесконечную муку у нево? Кто лестью его почитает и кто пред государем своим лукавыми делами дни свои провожает?»*

Представления о наследственности царской власти династией Романовых от Рюриковичей были сформулированы и разработаны придворными идеологами еще в период правления Михаила Федоровича. Алексей был воспитан в традиции данной идеи и безоговорочно воспринял ее. С первых часов своего вступления на престол, в различных обращениях к подданным и речах во время придворных церемоний царь пытался утвердить и развить данный постулат.

Впервые это произошло при венчании Алексея Михайловича на царство. В своей речи царь излагал последовательность смены государей на русском престоле, особо останавливаясь на таких персонах, как князь Рюрик, родоначальник русских царей, Владимир Святославович — креститель Руси, Владимир Мономах, воспринявший превысочайшую честь и царский венец от греческих царей и царь Федор Иоанович, которого Алексей называл своим дедом. Прослеживая период «Смуты» и избрание на Земском Соборе 1613 г. Михаила Федоровича на царство, Алексей Михайлович особо подчеркивал факт «благословения царством»** сына своего — то есть последнюю волю царя Михаила. Мысль эта должна была убедить всех в законности вступления Алексея на престол и опровергнуть слухи о подменном государе.

Сам чин поставления на царство был составлен таким образом, что формулировку династической власти, данную царем, закреплял и тем самым утверждал именем Бога патриарх, заканчивая свою речь словами: «и возрастит Господь семя ваше государское во век грядущий и в род и род в неискончаемые веки на Российском царстве»***.

Рассматривая преемственность своей власти от Рюриковичей, царь Алексей был убежден в своей ответственности за несправедливые поступки своих предков. В целях укрепления новой династии представлялось лучшим выходом признать грехи предшественников, замолить их и таким образом снять грех со всего царского рода. Таким шагом стала грамота царя Алексея Михайловича к мощам митрополита Филиппа, смерть которого оставалась на совести Ивана Грозного. Царь писал к святым мощам: «Молю тебя и желаю тебе

* ЗОРСА. Т. II. С. 772.

** Чин поставления на царство... С. 12–14.

*** Там же. С. 18–19.

прийти сюда, чтобы разрешить согрешения прадеда нашего царя... Иоана... ибо твое на него негодование как бы и нас сообщниками творит его злобы»*. На протяжении своей жизни Алексей Михайлович неоднозначно относился к факту покаяния за грех предка. Известно, что он обвинял Никона в том, что тот был инициатором подобного шага царя, который сам Алексей Михайлович к концу своего царствования расценивал как позор и бесчестье. Но оценки, данные человеком тому или иному поступку, в разные периоды его жизни не всегда совпадают. За время правления Алексея Михайловича положение царской власти усилилось, что повлияло и на осознание царем своего статуса. И то, что было добровольно совершено и оправдано в начальный период правления, казалось ошибкой после. Вряд ли царь Алексей в 1652 году, когда писалась грамота, не был убежден в ее необходимости и не разделял позиций, в ней изложенных. В этот период снять грех, лежавший на царской династии, можно было только «приклонив честь царства... честным мощам» и «повиновав» к молению Филиппа всю власть царскую**.

В период правления Алексея Михайловича стало принято объявлять наследника царя, как только старший сын его достигал совершеннолетия. Происходило объявление в праздник нового года, то есть 1 сентября. Задача представления наследника приближенным осуществлялась самим царем. Церемония объявления освящалась патриархом и происходила на Красной площади при большом стечении народа***. В обращении царя к подданным по сему случаю высказывалась мысль о том, что «пристало нам сына своего... всемогущему Богу дать в послужание», чем еще раз подчеркивалась мысль «все государевы дела — дела Божьи». Идея же наследственности власти в династии утверждалась самим фактом подобной церемонии.

Помимо перечисленных представлений Алексея Михайловича о царской власти для его мировоззрения характерен взгляд на роль русского царя как защитника вселенского православия. Эта идея также была не нова — и развивалась при Московском дворе еще с XV века, со времен правления Великого князя Ивана Васильевича III, когда династическим браком с Софьей Палеолог была закреплена преемственность русской царской власти от византийских императоров. Ко времени правления Алексея идея «Москва — III Рим» развивалась и получила свое воплощение в трудах придворных идеологов. Данную идею отразил и «Чин поставления на царство

* Два послания царя Алексея Михайловича. С. 10.

** Там же. С. 12.

*** СГГД. Ч. IV. С. 316–321.

царя Алексея Михайловича», который отнес время преемственности царского венца от греческих царей к периоду Владимира Мономаха. После падения Византийской империи Россия считала себя оплотом мирового православия, а русские цари себя — защитниками всех православных христиан. По словам П. Алеппского³ в один из праздников Пасхи царь Алексей говорил греческим купцам, явившимся его поздравить: «просите своих священников молити за меня и просить Бога, чтобы мой меч смог рассечь выю моих врагов». Своим же подданным царь сообщал: «Если Богу будет угодно, я принесу в жертву свои войско, казну и даже кровь свою для их избавления»*. В данном случае речь шла о православных, находившихся под мусульманским игом.

В период войны с Польшей перед русскими военачальниками царь ставил задачу «святые божия церкви очищать, православных христиан освобождать». Средства же, которыми возможно достичь данную цель, Алексей Михайлович описал в собственноручной грамоте к князю А. М. Трубецкому⁴: «а сперва посылать листы, что б сдавались, будь есть белорусы, а будет ляхи будут в городах, а не похотят креститца, и их сечь, и белорусов сечь»**.

Сама идея о русском царе — защитнике вселенского православия не могла быть осуществлена, если не будет соблюдено условие единения обрядности русской церкви и других православных церквей. С данной точки зрения концепция царской власти, принятая и осмысленная Алексеем, не вступала в противоречие с его взглядами на церковь. Алексей Михайлович был воспитан своим дедом патриархом Филаретом в грекофильских традициях, для самого Алексея идея единения московской церкви с греческой являлась основной проблемой, требующей разрешения в данное царствование. Свои мысли по данному вопросу Алексей Михайлович излагал в грамотах к восточным патриархам. В грамоте к Александрийскому патриарху Паисию⁵ он писал: «во всех благочестия догматах согласоватися с вами хотеце... Отец присносущный и Бог... да преподаст святыи свой мир, соединение и единомыслие святым своим церквам». Все совершаемые в России действия по проведению церковной реформы (одним из главных действующих лиц которой были патриарх Никон и сам царь) Алексей Михайлович рассматривал как направленные на утверждение «союза церковного общего нашего мира — тоя единыя православныя веры...»***.

* Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. С. 45.

** ЗОРСА. Т. II. С. 715.

*** Каптерев Н. Ф. Указ. соч. Т. I. С. 41.

Размышления о вере и церкви для Алексея Михайловича не носили отвлеченного характера. Для него одной из задач царской власти являлась обязанность печься не только о светском управлении, но «еже есть общий мир церквям и здраву веру крепко соблюдать и хранить»*. Этот постулат стал своего рода оправданием активного вмешательства светской власти в дела церкви, узаконенного на уровне Соборного Уложения 1649 г. В целом взгляды Алексея Михайловича на церковь и политику светской власти в отношении церкви развивались в русле начавшегося процесса абсолютизации.

Рассуждая о сущности и роли царской власти, Алексей Михайлович не мог не затронуть вопроса о принципах, на которых строятся взаимоотношения государя с подданными. В размышлениях царя, как и в общественной мысли этого времени, развивалась идея «служения государю». Одной из причин ее возникновения стало усиление царской власти. Но, поскольку процесс перерастания сословного представительства в абсолютную монархию при Алексее Михайловиче завершен не был, то государственная служба рассматривалась как служба государю в отличие от петровского времени, когда она характеризовалась как служба царю и отечеству.

Идея служения государю была четко сформулирована уже в Соборном Уложении 1649 года. Всяких чинов люди, находящиеся на государевой службе, рассматривались как «делающие государево дело», то есть взявшие на себя часть функций самого правителя, носители частицы его личной власти, воли и чести. Поэтому их ответственность за исполнение порученного дела считалась ответственностью пред царем за сохранение его непогрешимости, а всякое нарушение служебных обязанностей рассматривалось с точки зрения нанесения урона царской чести**.

Хотя по представлениям данного времени все подданные царя считались его слугами, все они занимали разное место в социальной иерархии, и каждое из сословий являлось носителем определенных прав и обязанностей, передаваемых по наследству, и определенных традиций. В силу этого разные социальные группы по-разному воспринимали процессы, связанные с усилением царской власти. Ослабление родового начала в государственном управлении и становление принципа годности к службе государю не могло не вызвать противодействия со стороны боярства. Это привело к тому, что при

* Там же. С. 42.

** Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли II половины XVII — начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. I. М. 1989. С. 31.

рассмотрении Алексеем Михайловичем проблемы взаимоотношений царя и его подданных наиболее значимым и острым для государя был вопрос о «царской власти и боярской чести».

Алексей Михайлович считал, что боярская честь природная и вечная. Богом освящен тот порядок, что царь имеет право ее даровать, а боярин принять. Но все же главное, по мнению царя, заключалось в том, что по воле божьей «чин государский пребывает над вами (боярами)»*, следовательно — все бояре — холопы царя и их главная обязанность в исполнении царских решений, потому что кроме воли божьей боярская честь зависит и от милости царя, а милость эта соизмеряется со службой государю**. Таким образом, на первый план в царских рассуждениях выходила проблема качества государевой службы, ибо «кого царь не жаловал тот хоть и именем те родителей своих в боярской же чести, самим же и по смерть свою не приемши той чести»***.

Развитие общественной мыслью 50–60-х гг. XVII столетия образа человека, состоящего на государевой службе, привело к некоторым изменениям представлений о «совершенном человеке» вообще. В новой трактовке это человек, на всякое дело уготованный, добропорядочный христианин и верный сын монархии****.

Некоторая трансформация представлений о совершенном человеке происходила и в сознании Алексея Михайловича. В целом, как уже отмечалось, царь трактовал добродетели и пороки человека, основываясь на нормах христианской этики. Но, в добавление к этому, в ряде писем он охарактеризовал положительные и отрицательные качества, присущие лицам, состоящим на государевой службе, сформулировал основные требования к ним.

Первое требование к подданному, выдвинутое Алексеем Михайловичем, заключалось в полной отдаче при исполнении дела, радении об его успехе, личной заинтересованности в лучшем исполнении, в том, чтобы «работать всем сердцем»*****. Кроме того, царь требовал от подданных нести службу государеву так, чтобы своими действиями не раздражать царя или, по выражению самого Алексея Михайловича, «не озлоблять его к людям». Для подтверждения своего требования царь ссылался на Аристотеля, который «всем

* ЗОРСА. Т. II. С. 752.

** ЗОРСА. Т. II. С. 751.

*** ЗОРСА. Т. II. С. 756.

**** Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М. 1978. С. 137.

***** ЗОРСА. Т. II. С. 732.

государем велит выбирать такова человека, который бы государя к людям примирял, а не озлоблял» *.

Еще одно требование царя к людям, состоящим на государственной службе, заключалось в соблюдении субординации, в том, чтобы «начальники робят держали в руках», а подчиненные перед ними были вежливы» **. По мнению Алексея Михайловича, начальники ответственны за подчиненных. Они на то и поставлены, чтобы «над своими статьи смотреть и от воровства и от всякого дурна их унимать» ... за милость Божию и за государево жалование ***. В ряде писем царь требовал от начальников постоянно контролировать своих людей. Так, Петр Арбеньев⁶ — руководитель детей боярских, несущих охрану царских хором, по мнению Алексея Михайловича, должен был «сам почасту их (охранников) днем и ночью смотреть, таки все тут...» ****.

Для царя являлось тяжелейшим проступком и страшным человеческим пороком неисполнение служебного долга. По его мнению, оно должно наказываться самым серьезным образом. В случае с охранниками царских хором отлучившегося стража царь велел «на смерть сечь батоги».

В итоге идеальный человек на службе государя сочетал в себе, по мнению Алексея Михайловича, христианские добродетели с максимальной заботой о благе царя, с полной отдачей при исполнении его воли. Свои представления об этом царь наиболее полно выразил в письме к А. Л. Ордину-Нащокину: «верному и избранному и радетельному о божиих и о наших государских делах и судящий людей божиих и наших государевых вправду, как паче же христороубцу и миролюбцу, нищелюбу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу и странноприимцу и нашему государеву всякому делу доброму хадатаю и желателю» *****.

Размышляя над вопросами службы и добродетелей служащих государю, царь высказал ряд суждений, которые отражали представления этого периода, в равной мере сочетаясь с добродетелями уходящей эпохи сословного представительства и наступающей эпохи абсолютизма. Это были нормы поведения, которым было суждено развиваться в среде петровской бюрократии.

Кратко остановимся на характеристике воззрений царя на задачи внешней политики страны. В целом можно отметить, что по данному

* Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных Дел. Ярославль, 1902. С. 49.

** Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 27.

*** Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг. 1917. С. 131.

**** Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 75.

***** «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М. 1969. С. 573.

вопросу Алексей Михайлович хотя и имел свой взгляд, тем не менее, считался до поры до времени с таким дипломатом как, А. Л. Ордин-Нащокин, учитывал желания Никона и ряда других деятелей.

Алексей Михайлович, как и его отец, являлся сторонником борьбы с Польшей за присоединение Малороссии. Царь и его окружение придавали войне с Польшей характер религиозной борьбы православных с католичеством. Этот аспект полностью согласовался с воззрениями Алексея на русского царя как защитника вселенского православия.

Внешнеполитическая концепция царя изменилась в конце 1655 года. В это время Польша стала искать мира с Россией, и в Москву в качестве посредников прибыли послы римского императора. Они выдвинули идею союза христианских государств (православных и католических) для борьбы с Турцией и Крымом*.

В Москве сторонниками этого союза оказались А. Л. Ордин-Нащокин и патриарх Никон. Они и увлекли идеей царя. Для Алексея Михайловича возможность подобного союза так же открывала заманчивые перспективы. Во-первых, христианский союз давал возможность молдаванам, валахам и грекам, не разделяемым враждебной Польшей, отойти от турок и слиться с христианскими народами под предводительством русского царя. Во-вторых, мир с Польшей давал Алексею Михайловичу возможность получить польскую корону. Но мир с Польшей одновременно означал войну со Швецией. В итоге царь и русское правительство разорвали в мае 1656 г. «вечное докончание»⁷. Между тем военная кампания против шведов затруднялась внутренним состоянием страны, а также неудачей под Ригой. Алексей Михайлович был вынужден отказаться от завоевания Ливонии и в 1658 году заключить со Швецией 3-х летнее перемирие. В 1661 году по Кардисскому миру Россия возвратила Швеции все приобретения в Ливонии.

Эти неудачи, по всей видимости, повлияли на охлаждение отношений между царем и Никоном, в свое время склонявшим царя воевать против шведов. Другой сторонник антишведской политики — Ордин-Нащокин был вынужден отказаться от своей прежней программы.

С 1661 года Россия вела переговоры с Польшей о мире, главную роль в которых играл Ордин-Нащокин. Ключевым вопросом на переговорах стал раздел Малороссии. Переговоры затянулись из-за споров о Киеве, и только 3 января 1667 года удалось заключить Андрусовское перемирие на 13 с половиной лет, по которому Москва сохраняла восточную Украину и Киев на 2 года. Царь справедливо

* Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 355–356.

признал заслуги Нащокина в подобном исходе переговоров и главную из них видел в «одержании Киева». После этого Нащокину было пожаловано боярство и звание «царственныя большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя». Ему же Алексей Михайлович поручил ведать Посольский и Малороссийский приказы. На этом посту Нащокин попытался закрепить связь Киева с Москвой, сосредоточив в столице церковное управление этими землями. Нащокин делал ставку на то, что по истечении условленного срока благодаря действиям московских дипломатов принятие Киева станет невозможным для самих поляков. Начальник дипломатического ведомства России пытался склонить гетмана правобережной Украины Дорошенко к отделению от Польши, обещав Московское покровительство. Последний вынашивал свои планы: используя действия Нащокина, напугать Брюховецкого, поднять Московскую половину Украины, погубить соперника и стать во главе всей Малороссии против Москвы и Польши под покровительством турецкого султана. Но движение в Левобережной Украине быстро улеглось и она смирилась перед Москвой.

Действия Московского дипломатического ведомства не оставались без внимания царя. Разговоры Дорошенко о московском протекторате подвигли Алексея Михайловича к более энергичной политике в украинском вопросе. Царя более не удовлетворяло подтверждение Андрусовского перемирия, заключенное в 1669 году, на условии сохранения за Москвой Киева на неопределенное время. Алексей Михайлович задумывался о подчинении через Дорошенко правобережной Украины. Его полностью поддерживал А. С. Матвеев. Политика Нащокина не устраивала Алексея, в итоге Нащокин был вынужден уступить свое место в дипломатическом ведомстве Матвееву. Началась борьба за западную Малороссию, которая продолжилась и после смерти царя. В итоге малороссийский вопрос остался надолго в том же положении, что было создано Андрусовским перемирием 1667 г. и его подтверждением 1669 г. *

Таким образом, царь, хотя и считался с мнением и влиянием тех или иных лиц, в итоге все же стремился добиться результата, согласовавшегося с его видением проблемы. Отсюда вытекала причина кадровых перестановок в среде русской дипломатии.

Изучение мировоззрения Алексея Михайловича позволяет сделать вывод о преобладании в его рассуждениях философских тем и особенно этических и эстетических мотивов. Наряду с ними отчетливо прослеживаются взгляды царя на происхождение и сущность царской власти,

* Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М. 1990. С. 140–142.

социальная концепция государя. Алексей Михайлович обладал твердой позицией по вопросам о взаимоотношении церкви и государства, о месте русской православной церкви в мировом православии, о целях и путях проведения церковной реформы грекофильского образца.

Достаточно самостоятельным представляется и взгляд царя на задачи внешней политики России, хотя по данному вопросу он не мог не учитывать мнения русских дипломатов и особенно руководителей Посольского приказа, что определялось спецификой решаемых ими совместно проблем.

Рассмотрение взглядов царя убеждает, что основу его этических представлений составляла христианская этика. Считая, что на все воля Божия и прежде чем приступать к любому делу, следует обратиться к Богу и молиться об успешном его исходе, а не полагаться на свои силы, царь тем не менее не утверждал абсолютность божественного предопределения. В своих размышлениях он пытался соединить всемогущество провидения с относительной свободой воли человека, который нравственным образом жизни может заслужить прощение Бога. Отсюда главным мотивом рассуждений царя становились пороки и добродетели человека. Господство христианской морали было сопряжено с аскетическим образом жизни. Эти устои пришли на русскую почву из Византии и получили здесь в ряде случаев абсурдное толкование. Начальный период правления Алексея Михайловича был связан с тем, что аморальным считался интерес ко всякой музыке, кроме духовной, сатире, комедии. В конце царствования возобладала иная тенденция, связанная с возникновением первого придворного театра. Не вызывает сомнений, что изменение придворной культуры не могло произойти без частичного высвобождения морали царя и русского двора из жестких рамок аскетизма. Таким образом, этические воззрения царя на протяжении его царствования постепенно изменялись в сторону обмирщения.

Эстетическая концепция Алексея Михайловича отличалась завершенностью и находила реальное воплощение в придворной жизни, отражаясь в «чинах» дворцовых церемоний.

На формирование представлений Алексея Михайловича о царской власти повлияла концепция феодальной монархии, трактующая последнюю как происходящую от Бога и характеризующуюся преемственной передачей от отца к сыну. Для Алексея Бог — источник силы и могущества его власти. При этом царь часто отождествлял дела государевы с делами Божьими. Развивая концепцию преемственности власти Романовых от Рюриковичей, царь считал, что принял от предшествующей династии не только власть, но и ответственность за содеянные ими грехи. Свою задачу Алексей Михайлович видел в их

искупления. Кроме указанных черт для царя был характерен взгляд на русского государя как защитника вселенского православия. Данная идея не могла осуществиться без единения обрядности русской и иных православных церквей. Концепция задач царской власти, присущая Алексею, не вступала в противоречие с его взглядами на церковь. Царь был последовательным грекофилом и проблема идейного единения Московской и Греческой церквей являлась для него основной задачей царствования. Кроме того, взгляды и политика царя в отношении церкви развивались в русле постепенного подчинения церкви государству, до конца не завершившегося в допетровской Руси.

Внешнеполитическая концепция царя с одной стороны базировалась на идее «Русский царь — защитник православия», с другой — опиралась на политический расчет. С первой идеей согласовалось и ведение военных действий царем против Польши, и его участие в попытке создания союза христианских государей. Политическая выгода в первом случае была очевидна: присоединение исконно русских земель, воссоединение с Украиной, выход к Балтике; во втором — данная политика сулила царю польскую корону.

Анализ представлений царя об обществе показывает, что разделяя людей на «думных» и «худородных», царь много размышлял о боярстве и считал, что боярская «честь» богоданная, но только царь имеет право ее даровать. Все бояре — холопы царя и их главная обязанность — в исполнении его решений. Кроме того, социальная концепция царя отразила становление в общественном сознании принципа годности к государевой службе, особенно характерного для периода абсолютизма. К лицам, служащим государю, Алексей Михайлович выдвигал такие требования, как работать всем сердцем, быть заинтересованным в исходе дела, соблюдать субординацию, начальникам быть ответственными за подчиненных.

В целом взгляды царя не оставались неизменными. Их эволюции способствовало влияние факторов внутренней и внешней политики государства, развитие русской общественной мысли. Общей тенденцией развития мировоззрения Алексея Михайловича, как и всего русского общества, стало ослабление влияния на него церкви, усиление светского элемента. Решающее значение в формировании его взглядов сыграло стремление царя к абсолютизации своей власти. Определенное влияние на мировоззрение Алексея Михайловича оказали западно-европейские веяния.

